

П.С. Лемещенко

XXI век и проблемы парадигмального обновления экономической науки

Вместо введения. Современная мир-экономика (Понятие «мир-экономика» отражает целостное состояние мирохозяйственной системы, многие структурные элементы которой органически взаимосвязаны (Ф. Бродель, И. Валлерстайн).) с ее количественными и качественными проявлениями есть следствие научно освоенной и интуитивно-стихийной деятельности людей, которые не только в достижении своих целей изменяли обстоятельства, но и приспособлялись к ним, допуская погрешности в знании и просчеты в действии. Однако, если принять во внимание крайне противоречивые оценки достигнутых результатов политико-хозяйственной деятельности человека (Как известно, первые негативные оценки способа мышления и существующих форм хозяйствования прозвучали на заседании Римского клуба в 1968 г. Более поздние работы Дж. Белла, Дж. Гэлбрэйта, П. Дракера, Л. Туроу, И. Ставинского, Н. Моисеенко, Ю. Осипова, Д. Нэбита, Е. Массуда, О. Тоффлера, В. Иноземцева, Д. Медоуза, Дж. Сороса и других авторов зафиксировали всеобщий кризис индустриальной, или европейской цивилизации.), то необходимость переосмыслить достижения экономической науки, особенно ее наиболее влиятельные и распространенные течения, становится не только очевидной, но и весьма актуальной проблемой. Причем теория должна быть подвержена рефлексии как в случае признания ее активного начала, так и в случае отрицания ее использования в обширной практике.

Системные трансформации, которые охватили почти все социалистические страны и пока безуспешно растянулись на неопределенный период, еще больше требуют переосмысления существующих исследовательских традиций экономической науки. Экономисты этих стран, воспитанные в традициях марксизма (Надо отличать марксизм по своему источнику, теории и развитию от вульгарного, интерпретируемого марксизма, получившего своеобразную научную и практическую окраску в социалистических странах.), в одночасье «освободив» себя на формальном уровне от «обязанностей» перед данной теорией, все же вынуждены были осваивать философский, социальный, исторический и политический контекст принятых и пропагандируемых альтернативных направлений науки. Об этом свидетельствует даже беглый анализ материалов, публикуемых в немногочисленных изданиях постсоциалистических государств (Прежде всего обращает на себя внимание крайне малое количество научных изданий по «теоретическому срезу» экономических исследований. К тому же «утрачены» свойства, признаки, которые отличают фундаментально научное от знания, воспринимаемого на уровне здравого смысла. Метод «здравого смысла», отражая «нездоровость», незрелость переходной эпохи, воспроизводит усиление неопределенности и ведет к ошибкам, что подтверждается практикой.). Предметная и методологическая неопределенность, императивно-нормативная направленность, описательность, политическая эмоциональность и непроверяемость на истину характеризуют большинство статей по анализу современной действительности. В свою очередь учебные планы и программы по экономике

механически скопированы, иногда в упрощенных вариантах, с вводных курсов провинциальных американских колледжей (Учебные пособия по экономике, используемые в европейских вузах, как правило, отличаются содержанием и структурой (*Schotter A. Microeconomics. A Modern Approach. London, 1994*). Свою «нишу» занимает «теория хозяйства» Ю.М. Осипова.) и доведены уже до типовых. Примечательно, что образовавшийся в советское время разрыв между теорией и практикой (Итогом оценки такого разрыва стал известный тезис из андроповской речи в 1983 г. о том, что мы не знаем то общество, в котором живем. *Шеррер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. М., 1997. С. 656–660.*) углубился еще больше, поскольку аналитический аппарат неоклассики, преподаваемый в вузах, можно сказать, не используется ни выпускниками, ни самими преподавателями. Особенно эта участь постигла раздел микроэкономики.

Полный крах и несостоятельность обнаружили советы и программы, разрабатываемые западными экономистами неоклассического толка для государств, избравших путь политических и экономических преобразований. Основная мысль поствашингтонского консенсуса состоит в том, что к данной задаче подошли упрощенно, конъюнктурно и стандартно. Как оказалось, не учли самого главного — тех неформальных системообразующих институтов, которые нельзя изменить в одночасье, но трансформация которых имеет свои закономерности и траекторию эволюции [1–3]. «Если судить о современной экономической теории по ее философскому и историческому содержанию, — пишет Р. Л. Хайлбронер, — мы будем вынуждены определить ей место в надире, а не в зените ее истории» [4, 53]. В результате образовался «дефект знания», который, подобно дефекту массы в физике, не дает нам целостного политико-экономического и культуролого-экологического образа взаимоотношений человека, общества, природы, техники.

Наука экономика в парадигмальной ретроспективе. По Т. Куну, парадигма выполняет роль дисциплинарной матрицы, признаки которой позволяют каждому вступающему в определенное сообщество проводить аналитическую деятельность по выработанным и признаваемым нормам, правилам, алгоритму. Содержательным ядром парадигмы служит общая картина, представление, образ или модель исследуемой реальности (Применение выводов И. Лакатоша к экономической науке обнаружило параллельное существование в рамках одной парадигмы нескольких течений. В силу этого и других обстоятельств понятие «парадигма» стало заменяться «исследовательская программа»). Данная онтологическая составляющая обеспечивает связь предмета науки с объектом, поскольку в этом случае или в универсалистской схеме интегрируются и систематизируются разнородные свойства явления на определенном этапе развития, отражая сложившееся в каком-то научном сообществе представление об объекте познания.

Формирование идеалов и норм научного исследования находится под влиянием специфических условий и факторов развития данной дисциплины, а также общенаучных и междисциплинарных свойств. Как показывает анализ, переоценка используемого исследовательского потенциала самими специалистами

осуществляется лишь в крайних случаях гносеологического и практического тупика. Важно подчеркнуть, что осознание самой проблемы в освоении всех структурных элементов парадигмы, с чего и начинается любая теория, оказывает решающее воздействие на степень полноты и адекватность восприятия окружающей эмпирии мира.

Логика развития экономической науки определяется взаимодействиями внутри системы знания — между собственно теорией, эмпирией и общей картиной исследуемой реальности. Смена парадигмы характеризуется ситуацией, когда новые явления выходят за привычные рамки системы знания и вступают в противоречие с идеалами, нормами, критериями научной деятельности. Жизнь показывает, что такое противоречие было в экономике советского типа, практика которой не вписывалась в общий контекст политэкономии социализма, есть оно и сегодня, поскольку изучаемые и пропагандируемые курсы «Экономикс», выполненные в стандартных неоклассических традициях, по сути, никак не отражают современную ситуацию.

Конфликт состоит в том, что новые идеи должны оцениваться либо по старым критериям политэкономии социализма, либо по новым, но абстрактным, не отражающим общее основание иной формирующейся системы. Быстрая и решительная отмена прежней теории без априори выдвинутой новой приводит к теоретическому вакууму, в котором начинают господствовать астрологические прогнозы и спекулятивные идеи. Иначе эту ситуацию можно назвать антинаукой. Действующей в определенное время парадигме присущ некоторый консерватизм, хотя накопившиеся изменения в теоретическом знании требуют, соответственно, изменений и в аксиоматическом наборе, отвечающем общей научной конструкции, а следовательно, и самой реальности.

Какие же парадигмы можно выделить с позиций сегодняшнего дня в экономической науке [5]? Первая целостная политико-экономическая картина представлена классической школой. Используя традиции естественных наук и особенно ньютоновской физики, классики предложили воспринимать реальность как мир богатства. В достижении и превращении форм богатства, в его распределении они искали универсальные объективные законы и закономерности, на основе которых стремились предвидеть основные тенденции экономического развития. Объяснение источника богатства с точки зрения труда заложило новую норму поведения – стоимость, которая провела грань между экономической эффективностью и справедливостью. В стоимости, кроме всего прочего, фиксировалась социальная, экономическая, правовая и нравственная основа взаимодействия членов общества, значимость которых определялась трудовым участием, а не сложившейся кастово-сословной дифференциацией.

Можно заметить, что в интерпретации классической политэкономии нашла свое отражение теоретическая экономика. Она не только на абстрактно-понятийном уровне целостно зафиксировала, в том числе через обобщение достижений других наук, политико-экономическую систему, но и определила историческую тенденцию ее эволюции (Обобщение и интеграция выводов частных наук А. Смитом достигались через неформальные отношения его с экономистом Дж. Стюартом, философом Д. Юмом,

Знаменитый «спор о методе», особенно остро проявившийся в полемике между Г. Шмоллером и К. Менгером [8, 33; 9, 315], не привел к утверждению нового методологического канона, однако дал импульс к расчленению единой науки об экономике на две части: первую, утверждающую в познании абстрактные дедуктивные начала («рикардианский порок»), и вторую, отстаивающую целостность, специфичность и многообразие хозяйственных культур («шмоллеровский порок»).

Новый парадигмальный сдвиг связан с возникновением маржинализма. Мир хозяйствующего субъекта, который сам активно вовлечен в экономическую деятельность, был положен в основу познания происходящих процессов (В этом можно заметить второй уровень субъективированной рациональности (классическая политэкономия – первый), к которой обращаются экономисты.). Поиск объективных, сущностных, причинно-следственных связей был заменен поиском рациональных функциональных связей на уровне явлений, которые выступают результатом деятельности хозяйствующих субъектов. Общая картина социально-экономического мира неоклассиками была редуцирована до уровня среднестатистического экономического агента, имеющего определенный набор предпочтений и корыстные мотивы максимизации полезности в поведении. После выхода в свет работы А. Маршалла [10] учебная дисциплина «политэкономия» заменяется «экономикой» с ее позитивистской философией и аналитическим технико-функциональным аппаратом. Это понятие стало символом названия и новой науки. Отныне стали апеллировать не столько к экономической науке, сколько к науке как процессу в освоении познанием экономического поля. Последняя у неоклассиков складывается из отдельных «коротких цепочек» (Так выражает свою исследовательскую стратегию А. Маршалл: «...Функция анализа и дедукции в экономической науке состоит не в создании нескольких длинных цепей логических рассуждений, а в правильном создании многих коротких цепочек и отдельных соединительных звеньев» [10, т.3, 212].) частных отдельных теорий, охватывающих короткие промежутки времени, на что ориентировала философия позитивизма.

Примечательно, что, определяя экономическую теорию как «ящик инструментов» [11], неоклассики способ выбора инструментов вообще не относят к компетенции науки, а в большей степени ориентируют на здравый смысл исследователя. К этому надо еще добавить, что целостное теоретическое (политико-экономическое) знание в начале XX в. начало трансформироваться в ряд таких самостоятельных специальных наук, как политология, менеджмент, социология, экономическая история, история экономических учений. Таким образом, под влиянием научных специализаций и использования в производстве экономического знания частных методов экзотерической направленности это знание приобретает черты калейдоскопичности, фрагментарности и статичности. Из этих фрагментарных «лоскутков» невозможно воспроизвести целостный образ, целостную политико-экономическую и социальную картину.

Теория Дж. Кейнса (Обращаем внимание на название работы Дж. Кейнса: *Общая теория* (выделено мной – П.Л.) занятости, процента и денег. М., 1998. Ей предшествовал ряд работ этого автора

философского, политического и экономического толка, о которых мало что говорится. Теория Кейнса зафиксировала третий уровень рациональности — деятельную рациональность.) под влиянием противоречий, существующих в реальности и в знании, расширила горизонты анализа, но уже за счет изменения в «защитной» оболочке [12, 161]. Мир деятельного субъекта – так можно охарактеризовать теоретический подход Кейнса и его последователей. Включение в исследовательское поле макроэкономических проблем наметило сближение неоклассической и марксистской теорий [13, 270–271].

Разного рода остроты и глубины проблемы реальности, логические парадоксы активизировали во второй половине прошлого века деятельность как традиционных, так и новых научных школ и направлений: нео- и посткейнсианства, институционализма и нового институционализма, неошумпетерианства и радикальной политэкономии, международной политэкономии и футурологии. Однако эта пестрота мнений снова потребовала обращения к философско-методологическому основанию экономической науки [14, 117; 15]. В 80-е гг. XX в. философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, в котором явно просматривается идея формирования метапарадигмы на междисциплинарной основе (начинает издаваться ряд новых журналов по экономической философии, теоретической и институциональной экономике, праву и экономике, новой политической экономии).

У. Баумоль положил начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век [16]. И хотя он сам называет свою попытку наглой [16, 104], все же общая оценка достижений науки об экономике звучит так: «...наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем [16, 80]. Здесь наши оценки совпадают с позицией уважаемого мэтра. Особенно в части того, что какого-то теоретического прорыва в экономической науке за прошлый век сделано не было. Однако накопления, наработки позволяют видеть важные изменения в ее философско-методологической структуре, других параметрах исследовательской деятельности (рис. 2). Например, М. Алле отмечал: »Как физика сегодня нуждается в единой теории всеобщего тяготения, электромагнетизма и квантовой физики, так и гуманитарные науки нуждаются в единой теории поведения людей" [17, 27].

<i>Структурные характеристики метода</i>	<i>Методы</i>		
	<i>Эзотерический, сущностный</i>	<i>Экзотерический, явленческий</i>	<i>Целостный эзо-экзотерический (сущностно- явленческий)</i>
<i>Парадигма</i>	Интуитивная, предполагает эгоистические начала с основанием культурных ценностей	Априори оговоренная, рациональные предпочтения при полной информации и нулевых транзакционных издержках	Эклектическая, реализация принципов холизма на междисциплинарной основе
<i>Социально-политическая детерминированно</i>	Присутствует в качестве объективных предпосылок, связей и	Не присутствует по причине признания экзогенности этой среды к	Институциональная детерминированность, создающая рамк

<i>сть</i>	отношений	экономике	экономического развития
<i>Технологическая детерминированность</i>	В рамках производительных сил	Отсутствует, земля, труд, капитал – главные факторы производства	Экономика – открытая система; имеющая ограниченный потенциал
<i>Организационная детерминированность</i>	Простая кооперация, мануфактура, фабрика	Абстрактная фирма, “черный ящик”	Осознанно сформированная организация (фирма; государство, мир-экономика)
<i>Предмет исследования</i>	Внутренние, устойчивые связи и отношения	Внешние и спорадические связи и взаимодействия	Органически целостное сложное структурно образование
<i>Характер связей, отношения</i>	Причинно-следственные, субстанциональные	Функциональные, отражающие потоки движения доходов, расходов	Многоуровневая систем связей, отражающих разные аспекты мир-экономики
<i>Цель метода</i>	Эвристическая, раскрыть политико-экономическую природу общества (почему работает система?)	Позитивистская, ответить на вопрос: как работает система, чтобы достичь экономического эффекта	Теоретическая, аксиологическая (как обеспечить устойчивое развитие?)
<i>Характер метода</i>	Диалектический (по преимуществу)	Позитивистский	Синтетический (единство диалектического позитивистского методов)
<i>Пространственно-временные рамки</i>	Национально-государственные. Долгосрочный период	Не определяются в исходном. Краткосрочный, текущий	Мировые, межнациональные Сочетание времени
<i>Уровень рациональности</i>	Преобладание общегосударственных интересов	Утилитарно-частная рациональность	Наднациональные, региональные интересы
<i>Отражение целостности, равновесности</i>	Стремление к общей политико-экономической картине, равновесию	Фрагментарная, функциональная, дискретная направленность. Экономическое равновесие	Мир-экономика, глобальная система, институционально равновесие
<i>Пользователь исследования</i>	Правящая элита государства	Менеджеры, политики в определенных рамках и сферах	Правящая мировая элита; менеджеры, политики разного уровня
<i>Единица измерения</i>	Стоимость	Ценность	Институциональная ценность

Рис 2. Главные характеристики методов экономического исследования

Литература

1. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М., 2002.
2. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
4. Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1.
5. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. Мн., 2001.

6. *Олейник А.* Институциональная экономика. М., 2000.
7. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991.
8. *Менгеръ К.* Исследования о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. СПб., 1894.
9. *Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М., 1995.
10. *Маршалл А.* Принципы экономической науки: В 3 т. М., 1983.
11. *Робинсон Дж.* Теория несовершенной конкуренции. М., 1986.
12. *Blaug M.* Kuhn versus Lacatos or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // Method and Appraisal in Economics. Cambridge, 1976.
13. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
14. *The Structure of Economic Science. Essays on Methodology.* Prentice-Hall, 1966.
15. *Ананьин О.* Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // *Вопр. экономики.* 1992. № 10.
16. *Баумоль У.* Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // *Вопр. экономики.* 2001. № 2.
17. *Алле М.* Единственный критерий истины – согласие с данными опыта // *МЭ и МО.* 1989. № 11.

(Продолжение в следующем номере.)
